

Актриса театра имени Евг. Вахтангова ЮЛИЯ РУТБЕРГ знакома не только театралам: она активно снимается в кино ("Закат", "Похороны Сталина" и др.), работала на ТВ ("Субботние вечера с...", "Романсы"), но, несмотря на это, человеком публичным не стала. Терпеть не может, когда ей лезут в душу, ненавидит безвкусицу и "желтых" писак. И тем не менее, несмотря на некоторую категоричность, сохраняет образ удивительно романтической женщины, смотрящей на мир широко открытыми глазами.

"Как любая женщина, принимаю решения под влиянием эмоций. Мои интуиция и интуиция мне подсказывают точнее, чем мозги. Женщины делятся на две категории - ужас как дуры и предельно как глупенькие. Я принадлежу ко второй категории. Но мозги мне даны от рождения, и я сама пытаюсь выбирать людей, которые меня развивают, люблю сильных и умных партнеров".

"Если женщина нелюбима и рядом с ней нет человека, который ее оберегает, о ней заботится, - это ужасно. Пускай феминистки говорят что угодно. Может быть, они просто ищут женщину, которая их будет любить и заботиться. А я лишена столь мутационного гена. И кривят душой те женщины, которые говорят: "Мне лучше одной". Одиночество - это тяжкое испытание".

Из умных мыслей Ю. Рутберг в Интернете

- Прошел слух, что вы уходите из театра Вахтангова, где проработали много-много лет. Что случилось? Или это снова проявление вашего бескомпромиссного и жесткого (как говорят, почти мужского) характера?

- Какие бы сложные отношения у меня ни были в родном доме, в моей семье - споры, конфликты со старшими, с папой, с мамой, но родной дом - это превыше всего. А театр Вахтангова для меня и семья, и дом родной. И я не уйду из него, не оставлю. Замечено, что чем талантливее, чем оригинальнее ребенок, тем конфликтнее его отношения с родителями. Когда я получила звание заслуженной артистки, я поняла, что эти статусы не меняют природы и сути взаимоотношений с самым главным - со сценой.

- А конкретно - с крутым, передко смотрящим на тебя из-под нахмуренных бровей Михаилом Александровичем Ульяновым как вы сосуществоете? Он, наверное, бедный, и сам от всех и от всего устал.

- У нас отношения искренние. Сложные, но искренние. Потому что для меня Ульянов все равно первый актер российской сцены, и отношусь я к нему с глубочайшим уважением и пиететом. А когда его благородные седина превратились в седина короля Лира, я почувствовала в себе зачатки Корнелии, а потому осуждать Михаила Александровича в каких-то его деяниях - правильных или не совсем - наверное, проще простого. И делать я этого не стану. Ульянов - один из самых мудрых вожа-

ков нынешних государственных театров. Одному Богу ведомо, как он тянет этот воз, ибо гостеатры нынче пребывают в самом катастрофическом положении. Ульянов не боится выпустить на сцену молодых актеров, он абсолютно великий интуит на уровне актерского чутья и взаимоотношений с людьми. У него есть свой подход к каждому человеку, ибо каждый для него личность. Молодой или старый - неважно. Повторяю, в творческой ипостаси у меня с Михаилом Александровичем отношения непростые, я, например, категорически вышла из спектакля "Принцесса Турандот", я считаю, что этот спектакль надо оставлять как легенду. А не дисквалифицировать то, что когда-то было прекрасно.

- Я чувствую, вам вообще легче иметь дело не с доступными пустышками, а с тяжеловесами, с людьми трудными.

- Мне даже везет на трудных людей. Потому, наверное, что со "сложносочиненными" людьми у меня есть больше поводов сойтись, познакомиться, пересечься, наконец. А обаяшки, улыбочивые, скользкие меня всегда настораживают. Я привыкла к тому, что самые прочные отношения основаны на уважении, а категория нравится - не нравится - "спи, моя красавица" - не категория искусства, не эталон? Прочных отношений. Отсюда, наверное, у меня и складывались непростые отношения почти со всеми моими режиссерами - с Фоменко, Виктюком, Черняховским... Но я связана с ними

- несмотря ни на что - пожизненно. Мы любим друг друга, наверное, именно потому, что между нами остался неразрушенный некий гордый узел и мы не выхлебали весь "бахыт-компот" нашего общего варева. Меня настораживают те, кто хочет сразу понравиться, меня настораживают комплименты.

- Максималистка вы, однако, Юлия Ильинична.

- Кстати, своим принципам я не изменяю и в отношении с вами, журналистами. Лично к вам я не имею претензий, но некоторых "желтых" писак я не подпускаю к себе. В этом году меня дважды оскорбили в газетах, объяснив это тем, что я, дескать, их любимица. Ничего себе, любовь! Мне иногда кажется, что нынешняя журналистика - во многом разнузданное хамство, это свора, спущенная с поводков, и иные из них просто ротвейлеры. Им все пофигу, и они могут часами караулить возле женского туалета Чулпан Хаматову, когда ей захочется, простите, пописать, чтобы запечатлеть ее в интересном положении. Непонятно, каким образом они проникают в палату к Наташе Гундаревой, чтобы попытаться разговаривать ее чуть ли не между этим и тем светом. Слава Богу, Наташа выжила, несмотря ни на что. С некоторыми журналистами я готова схватиться в рукопашной, а нескольких выгнала из своей гримерки. А Марину Райкину пригрозилась прищемить дверью. Суд присяжных меня оправдал. Так что, да, во многом в жизни я максималистка.

- Возможно, вы и правы в своей

РУТБЕРГ ЛЮБИТ ПОГОРЯЧЕЕ

одержимости, а значит, в уверенности в себе. Наверное, так нынче можно победить эту самую жизнь, которую вы талантливо воспеваете на сцене, в кино и на телеэкране. Но вот вам язвительный вопросик по части "ящика". Михаил Осокин недавно заявил буквально следующее: "Нормальный человек не должен смотреть телевизор". О себе скажу: я хоть человек и не совсем нормальный, но с ним совершенно согласен и смотрю только новости да карауловские нокауты по чиновникам. А вы, кроме себя, что смотрите?

- Сегодня с телевидением я связана опосредованно. Лет семь назад я вела на РТР передачу "Субботний вечер с..." Работа мне нравилась, передача шла целых полтора часа. Я беседовала с какой-то известной персоной, это требовало огромной подготовки, и мне нравилось такое сотворчество. Потом передачу прикрыли, но мне продолжали делать комплименты, что со мной, дескать, было интересно общаться. И у меня с телевидением сложились свои отношения. Не за счет кино, сериалов, а просто во мне открылся новый имидж не актрисы, а человека, который интересен людям.

- Я слышал, что будто Валентин Гафт, когда узнал, что вы идете в антрепризу к Михаилу Козакову, воскликнул: "Как ты можешь идти к сумасшедшему человеку?" Да и впрямь, Михаил Михайлович не из легких особ. Но вы, кажется, справились и с ним?

- Да, примерно так было, как вы говорите. Только Козаков в ответ назвал сумасшедшим самого Гафта. Но я благодарна Козакову, что он дал мне роль в своем спектакле. Он умный актер, и его спектакли, и игра актеров филигранны, уровень разбора постановки Козаковым очень высок. Мне нравится, что многие вещи на сцену он несет оттуда, из молодости, из молодого Ефремова и "Современника".

- Вы обмолвились об "умном актере". Я, например, умными считаю Сергея Юрского или Аду Демидову. А обязательно ли, простите, актеру быть умным? Главное - ему надо быть талантливым.

- Конечно, в словосочетании "умный актер" сначала идет умный, а потом актер. Ведь умный - это характеристика человека, а актер - это профессия, которой он владеет. Неприятно произносить "глупый врач", "глупый физик". Я не могу терпеть глупых людей, потому что 90% непоправимых в жизни вещей происходит по глупости. Глупость - категория стихийная, и ей противостоять трудно. Вот я и предпочитаю иметь дело пусть и со сложными, но умными людьми. Вы назвали Демидову и Юрского. Эти актеры, я с вами согласна, умны еще и потому, что они не просто владеют профессией, а формируют вокруг себя пространство. Это целые планеты. Этим людям подражают, эти люди творят стили.

Тут Юлия прервалась, задумалась и продолжила:

- Простите, я кажется, недоответила на ваш вопрос о том, почему не надо много смотреть телевизор. Да потому что пурга, которая выюжит на нашем телевидении, - это во многом абсолютная безвкусица, пошлость, либо агрессия, кич. Я так воспитана, что меня всегда пытались отвлечь от всего дурного, выходящего за рамки, в своем доме и среди моих педагогов я получала мощную инъекцию культурного шока прошлых поколений. И почему я должна мириться на экране? Почему я должна говорить на плохом русском языке, если есть возможность говорить на хорошем? Мне кажется, когда я прихожу на телевидение, то чувствую, что и один в поле тоже воин. Я хожу на те передачи, которые считаю важными и для себя, и

Фото В. Мышкина

для телезрителей. Поэтому я понимаю людей, утверждающих, что телевидение смотреть не надо. Я это вижу на примере собственного сына, который самым открытым образом зомбируется от ящика. И это ужасно.

- А в чем зомбирование?

- Ну хотя бы в том, что существуют бесконечные передачи, которые развращают человека, уничают, стирая грань между высокоорганизованной субстанцией и животными рефлексомы обезьяны.

- Каким бы эпитетом вы назвали наше с вами "останкинско-развращающее" время: умным, глупым, страшным?

- Смутным. Да, да, смутным. Ведь наши предки были, я полагаю, не дурнее паровоза, и многое изобретено не нами, а ими. В том числе и координата нравственных духовных ценностей. И задача искусства театра в том, чтобы суметь "модный"

Фото М. Королева

нынче фашизм показывать через кабаре. В Москве чудовищное расслоение, одни ездят на фантастических машинах, другие гребут деньги лопатой, а третьи - учителя, да и мы актеры - получаем копейки. Это безумие, система ценностей не просто размыта, разрушена.

- Не хочу опускать вас до сплетничанья насчет судебного противостояния Людмилы Гурченко с собственной дочерью, но все же, как в принципе вы относитесь к такого рода ситуациям: ведь актер, художник, поэт - это прежде всего что-то высокое, почти нематериальное, а тут... Вы извиняете Людмилу Марковну?

- Здесь снова надо говорить о категории духовных человеческих приори-

тетов... Не знаю, не знаю, я бы себе такого не позволила.

- На днях все газеты затрубили о разводе Натальи Андрейченко с Максимилианом Шелом. А здесь кому вы сочувствуете - ему или ей? Ведь все-таки 18 лет они были вместе.

- Что сказать, я знаю Наташу как очень хорошую актрису и, судя по всему, женщину со сложным характером. Всегда обидно слышать, что люди расходятся, но понимаете, нельзя из нас делать обезьян, я имею в виду публичные пары. Из меня тоже пытались сделать такую же обезьяну. Но ведь актеры такие же живые люди, как и все. Мне, конечно, жаль, что два талантливых человека, столько лет поддерживавшие друг друга, расстаются. С другой стороны, помните, что сказал Лев Толстой: "Каждая семья несчастлива по-своему..."

- Сейчас мы закончим наш разговор, и вы, наверное, пойдете к себе домой, где вас любят и все вам прощают. Плохое, хорошее. И удачи, и провалы. Так ведь? Скажите, кто в вашей большой семье главный?

- Мама. Она у нас центр, нас держат ее могучие плечи.

- А чем - авторитетом, мудростью, лаской, добротой?

- Всем, что вы перечислили. А главное, наверное, колоссальной ее терпимостью по отношению ко всем нам, сумасшедшим. Мама - это дуб-гигант, а мы тоненькие веточки, которые колысятся, зеленеют или засыхают, а мы, к сожалению, все же пилим тот самый сук, на котором сидим.

- Я смотрю, вы все дышите и дышите. Здесь мама не смогла вас победить, и вы стали неисправимой курильщицей.

- Нет, исправимой... Я курю как бы в качестве протеста. Я не люблю, когда все кругом оготело против всех или чего-то. То мы все пьем, то нам запрещают пить, а сейчас нам запрещают курить. Что еще осталось - призвать нас перестать есть? Чтобы все стали худыми. Что же тогда я буду делать - ведь мне худеть не надо.

Феликс Медведев

Rutberg Nellya

11.6.02